

Шведов Вячеслав Геннадьевич, Голубь Андрей Борисович, Шведова Влада Вячеславовна
**ЗООЛАТРИЧЕСКИЕ ПЕТРОГЛИФЫ ПРИАМУРЬЯ - ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ СИМВОЛИЧЕСКИХ
ЗНАЧЕНИЙ**

Публикация посвящена аналитической реконструкции зоолатрической символики петроглифов Приамурья. Рассмотрена группа ранних, созданных до распространения в регионе культуры мохэ, изображений. На этой основе выделен ряд культовых видов животных. Для каждого вида определены те естественные качества и элементы поведения, которые могли иметь символическое значение для аборигенов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/10-1/53.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (48): в 3-х ч. Ч. I. С. 204-209. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 13; 13.91
Культурология

Публикация посвящена аналитической реконструкции зоолатрической символики петроглифов Приамурья. Рассмотрена группа ранних, созданных до распространения в регионе культуры мохэ, изображений. На этой основе выделен ряд культовых видов животных. Для каждого вида определены те естественные качества и элементы поведения, которые могли иметь символическое значение для аборигенов.

Ключевые слова и фразы: Приамурье; петроглифы; аборигены; зоолатрическая символика; виды животных; анализ; реконструкция.

Шведов Вячеслав Геннадьевич, д. геогр. н., доцент

Голубь Андрей Борисович, к. пед. н., доцент

Шведова Влада Вячеславовна

Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема

i-svg@yandex.ru; Andreygolub1981@mail.ru; Doch_odina@mail.ru

ЗООЛАТРИЧЕСКИЕ ПЕТРОГЛИФЫ ПРИАМУРЬЯ – ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ СИМВОЛИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ[©]

Приамурье – обширный регион России, вмещающий в себя Амурскую, Еврейскую автономную области и юг Хабаровского края. Его площадь равна почти 760 тыс. км², что значительно превышает размеры любой европейской страны. В данной публикации представлен обзор одной из уникальных сторон его культурного наследия – петроглифов, высеченных на камнях древними жителями этой территории.

Впервые они были обнаружены в 1859 г. русским путешественником Р. К. Мааком. В конце XIX – начале XX века петроглифы Приамурья изучали отечественные исследователи Л. Я. Штернберг, Ф. Ф. Буссе, Л. А. Кропоткин, В. К. Арсеньев. Тогда же не обошли их своим вниманием иностранные учёные – американец Б. Лауфер и японец Т. Рюдзо, которые отметили их сходство с аборигенным искусством Северной Америки и Японского архипелага. Наибольший вклад в открытие в регионе новых галерей, их описание, датировку и систематизацию внёс в 50-е – 60-е годы XX века выдающийся советский археолог академик А. П. Окладников.

Тем не менее имеющийся к настоящему времени уровень исследования петроглифов Приамурья нельзя признать удовлетворительным. Во многом это объясняется политематическим подходом к их изучению. Вдобавок приамурские аборигены запечатлели на камне не только материальные объекты, но и художественно отобразили свои мировоззренческие, космогонические и мифологические представления, которые современному человеку неизвестны и потому зачастую оказываются просто непонятными для него с позиций как изобразительной передачи, так и смысловой значимости [9, с. 4].

По этим причинам тематический анализ сюжетов приамурских каменных галерей встречается в литературе достаточно редко и в основном фрагментарно включается в их общий обзор в качестве вспомогательного материала. В этой связи предлагается рассмотреть то его направление, которое сложилось в результате общения древних жителей региона с их ближайшими соседями по среде обитания – дикими животными.

Зоолатрическая, то есть связанная с изображениями животных, символика издавна играла большую роль в жизни людей [11, с. 82]. С её помощью передавалось опосредованное олицетворение различных сил природы, моральных и физических качеств человека, она играла ведущую роль в формировании пантеонов предковых тотемов-покровителей. Особое место среди них имели образы, высеченные на камнях, – петроглифы. С одной стороны, они небезосновательно представлялись их создателям более долговечными, чем те, которые наносились на какую-либо иную поверхность в виде рисунка, или чем деревянные изваяния; с другой – их невозможно было потерять, как это могло случиться с предназначенной для индивидуального ношения фигуркой-амулетом. Это позволяет предположить, что высечения силуэтов на камне в первую очередь удастались те животные, которые почитались жителями конкретной местности в наибольшей степени [4, с. 35].

Такая традиция была свойственна и Приамурью. А. П. Окладников в своё время условно разделял все обнаруженные здесь петроглифы на две группы [9, с. 86, 124]:

- раннюю, связанную с комплексом культур мезолита, неолита, бронзового и раннего железного веков до распространения в регионе культуры племён мохэ. Относимые к ней петроглифы наносились на каменную поверхность каменными же орудиями. По данным радиоуглеродного анализа, начало их создания датируется XIII-X тысячелетиями до н.э., а окончание – IV веком н.э., когда в верхней и средней частях бассейна Амура распространилась технология плавки металлов;

- позднюю, оставленную местными жителями начиная с IV века н.э. – как самими мохэ, так и расселявшимися в Приамурье после них иными этноплеменными сообществами. Характерные для неё петроглифы создавались на камне уже металлическими орудиями.

Впоследствии эта классификация не раз усложнялась и пересматривалась, в том числе и в сторону жёсткой критики взглядов Окладникова [14]. Но авторы данной публикации считают целесообразным придерживаться именно его первичной хронологической систематики приамурских петроглифов. Это позволило

избежать излишних в данной публикации уточнений и усложнений; тем более что связана таковая лишь с одной, довольно слабо затрагивавшейся ранее, из сторон культурного наследия приамурских аборигенов.

Предложенная Окладниковым классификация позволила выявить хорошо распознаваемое различие в традиции создания зоолатрической символики на петроглифах Приамурья. Оно состоит в том, что поздняя группа изображений выглядит в рамках рассматриваемой тематики гораздо беднее. Для неё более характерны изображения людей и сцен из их жизни. Из животных чаще встречаются силуэты представителей домашних видов – лошади под всадником, собаки возле человека, что указывает на их вспомогательное художественное и смысловое назначение.

Несравненно богаче зоолатрическое содержание ранней группы петроглифов. Это может объясняться тем, что во времена её создания соседство с дикими животными было гораздо теснее, а их роль в жизни людей – существенно выше. Галереи с ранней зоолатрической символикой образуют в регионе три основных ареала:

- на Верхнем Приамурье – в бассейнах рек Олёкма, Джалинда и Зея, а также близ посёлка Архара;
- на Среднем Приамурье – бассейн реки Кия, окрестности посёлка Сикачи-Алян;
- на Нижнем Приамурье – в Ульском районе Хабаровского края.

Древние художники-камнерезы, безусловно, не ставили перед собой задачи оставить для современных людей справочное пособие по составу животного мира в местах своего проживания. Высечение изображений на камне было трудоёмким процессом, требовавшим не только определённых навыков, но и физической силы, огромного терпения. Поэтому круг запечатлённых в петроглифах видов строго ограничен теми животными, которые играли в жизни аборигенов Приамурья знаковую роль или отражали важные стороны в их восприятии окружающего мира. В этой связи определённый интерес представляет расшифровка тех символических значений, которые вкладывались в изображение того или иного вида (или группы видов) представителей местной фауны.

Данная задача осложняется тем, что аборигенные культуры Приамурья были бесписьменные. Следовательно, прямых пояснений «от первых лиц» по поводу побудительных мотивов нанесения на камень изображений того или иного животного – нет. Однако многие элементы древних представлений коренного населения региона оказались весьма жизнестойки в его устной информационной традиции. Поэтому они в большинстве были зафиксированы отечественными учёными в начале XX столетия. При этом сами автохтонные носители передаваемых сведений утверждали, что таковые унаследованы ими от весьма отдалённых поколений предков с минимальными изменениями [9, с. 11]. Это подтверждали и собиравшие, и анализировавшие аборигенный фольклор исследователи. В частности, они отмечали, что характер отражённых в нём представлений об устройстве мироздания, отношениях человека с окружающей его природой, а также об общественных ценностях, моральных и ментальных качествах личности в основном соответствует архаическим культурным воззрениям [2, с. 530].

Эта особенность позволяет в настоящее время с относительной достоверностью толковать символическое значение большинства зоолатрических петроглифов Приамурья на реконструктивной основе. При этом понимается, что данный подход не претендует на окончательность сделанных на его основе выводов [1, с. 90; 5, с. 87, 98]. Проведённая реконструкция имеет в данном случае аналитический характер и выступает в качестве «рабочей гипотезы», которая остаётся открытой для дополнения и коррекции по мере накопления новых материалов и совершенствования методов их обработки.

Среди всех зоолатрических петроглифов Приамурья, в первую очередь, обращают на себя внимание изображения крупных хищников. Общая мотивация высекания на камне их образов была достаточно веской по двум причинам. С одной стороны, они несли реальную угрозу для жизни первобытного человека; но одновременно являлись в его глазах носителями многих, достойных подражанию, качеств. Очевидно, что по этим причинам особым вниманием пользовались самые могучие и свирепые звери – тигр и медведь.

Даже в отношении древних аборигенов, которые были максимально адаптированы к проживанию в условиях окружавшей их природной среды, тигр (*Panthera tigris*) являлся потенциальным носителем неотвратимой гибели. Вместе с тем он олицетворял собой идеал силы, ловкости и благородства [14, с. 364].

Сознание первобытного человека наделяло тигра даром невидимости – огромный зверь, находясь в родной стихии, тайге, при желании, появлялся буквально «ниоткуда» и исчезал «в никуда». Кроме того, тигр предупреждает свои нападения рыком. Понимается, что этот элемент его поведения является эволюционно выработанным приёмом охотничьего поведения, нацеленного на стрессовую парализацию жертвы страхом. Но люди видели в нём не что иное, как желание хищника предупредить о своём нападении, то есть проявление «честного» отношения к потенциальной жертве или противнику.

Сочетание всех этих качеств и представлений привело к тому, что тигр стал единственным животным, возведённым аборигенами Приамурья в ранг сверхъестественного существа – живого духа тайги. Его значимость в этой ипостаси была столь велика, что он «не нуждался» в специальном культе. Гораздо существеннее было введение абсолютного табу на его убийство – весомая привилегия для крупного, конкурирующего с первобытными людьми за пищевые ресурсы, хищника. Этот запрет не распространялся лишь на тигров-людоедов, которые считались одержимыми силами зла.

Символическое отношение к медведю было иным. Понимается, он тоже впечатлял своей силой и был не менее опасен, чем тигр. Но его развитые умственные способности, умение ходить на задних лапах и совершать сложные манипуляции передними, а также черты внешнего анатомического сходства с людьми формировали восприятие этого зверя в качестве «лесного человека» – либо брата, либо предка. Мифологическая традиция даже не исключала возможности брачных отношений с ним [2, с. 533-534]. Эти представления распространялись на обитающих в Приамурье как бурых (*Ursus arctos*), так и гималайских (*Selenarctos*

thibetanus) медведей. Соответственно, петроглифы не отражают видовых различий между ними и обозначают лишь общие характерные признаки силуэтов этих животных.

Родственное восприятие медведя не могло не вылиться в создание подчёркивающих этот «факт» сложных обрядов. Они предусматривали ежегодный праздник единения с этим зверем, наличие специальных святилищ в его честь. При этом исследователи культуры коренных народов Приамурья, имея возможность наблюдать медвежий культ воочию даже в начале XX в., подчёркивали, что его корни уходят в очень далёкое прошлое [18, с. 52].

Тем не менее охота на этого зверя допускалась. С позиций современной морали это трудно совместить с представлением о «родственных» отношениях с иным (пусть даже животным) существом. Но данное обстоятельство имеет рациональное объяснение.

В первую очередь, образ жизни и поведенческие особенности медведя делали его выслеживание и добывание для аборигенов относительно более лёгкой (при всей той условности, которая оказывается приемлема к этому определению) задачей, чем охота на тигра. Между тем его туша представляла собой огромную ценность и предназначалась для многоцелевого использования, когда в употребление шли мясо, шкура, клыки, кости, целебные жир и желчь зверя. Поэтому убийство медведя объяснялось необходимостью периодического единения с «родственником» путём поедания его плоти – своеобразной гарантией приобретения частички силы, выносливости, сметливости этого зверя, а также подтверждением кровного (в прямом смысле этого слова) родства с ним.

Охоту на медведя сопровождал сложный ритуал, состоявший в «получении разрешения» высших сил на добывание столь почитаемого животного, а затем – в вымаливании у него прощения. По свидетельству очевидцев, этот обычай можно было наблюдать в самых отдалённых частях Приамурья даже второй половине XX века [15].

Иные хищные животные представлены на древних петроглифах Приамурья гораздо реже.

Так, имеется всего одно изображение, которое можно толковать как силуэт леопарда (*Panthera pardus*). На первый взгляд, данное обстоятельство представляется удивительным, так как этот зверь – ближайший сородич тигра. Мало того, из древних китайских летописей известно, что леопардовый хвост являлся одним из атрибутов боевого снаряжения древних жителей Приамурья [8]. Его ношение отличало вождей или воинов, имевших определённые заслуги.

В фольклоре аборигенов сведения, способные дать пояснения о таком «особом» отношении к леопарду, отсутствуют. По этому поводу, в первую очередь, можно предположить, что данный пробел объясняется изначальной редкостью этого зверя в Приамурье [12, с. 64]. Не отрицая этого соображения, его можно дополнить ещё одним, которое имеет символическое значение.

В отличие от тигра, леопард нападает молча. Из-за этого он мог приобрести репутацию коварного существа, недостойного, по мнению аборигенов, увековечивания в камне. Но при этом внешнее сходство леопарда с тигром и его свирепость могли являться тем «допускающим условием», которое позволяло использовать конкретную часть его тела как знак различия воинской экипировки.

Косвенным подтверждением этого суждения служит также полное отсутствие на петроглифах рыси – хищника, для Приамурья вполне обычного. Как и леопард, она атакует беззвучно и со спины, за что и в настоящее время пользуется среди коренного населения репутацией «подлого» зверя. Видимо, рысь обрела такую характеристику в весьма отдалённое время, когда её образу, наряду с леопардом, «было отказано» в присутствии на петроглифах.

Достаточно редки среди петроглифов Приамурья изображения волков (*Canis lupus*). Причём их видовая принадлежность выражена в петроглифах столь нечётко, что возникает сомнение: принадлежат ли приписываемые этим животным силуэты именно им или на камнях запечатлены домашние собаки?

Причина такого невнимания к этому хищнику, скорее всего, заключена в следующем: будучи весьма многозначной, сочетающей жестокость, злобу, с одной стороны, и отвагу, выносливость, развитые родительские чувства – с другой [10, с. 98], волчья символика имеет достаточно позднее происхождение. В каменном веке образ волка затмевался более крупными, сильными и опасными для человека хищниками. Актуальность обращения к нему проявилась позже – с возникновением и развитием животноводства, когда волчья стаи стали главной угрозой для домашних стад.

В этой связи следует заметить, что тигр, медведь и леопард, будучи доминирующими хищниками Приамурья, несомненно, производили на аборигенов гораздо большее впечатление, чем волк. Кроме того, пастбищное животноводство как массовый вид хозяйственной деятельности отсутствовало здесь вплоть до IV века н.э. [16, с. 18, 20]. Очевидно, потому изображения волка не заняли заметного места в галереях приамурских петроглифов, а его образ на них не приобрёл должной чёткости.

Важными «персонажами» зоолатрических символов Приамурья являются изображения крупных копытных животных – лося и кабана.

Лось (*Alces alces*) в представлении древних аборигенов этой территории, видимо, воспринимался в качестве «подателя жизни». Ведь охота на него велась преимущественно в начале весны, когда иссякали зимние запасы продовольствия. Но частота его изображений не исчерпывается лишь этой причиной.

Образное мышление первобытных людей следовало собственным, соответствующим представлениям эпохи, умозаключениям. Так, тренообразная форма лосиных рогов могла обращать их обладателя в носителя Солнца.

Могучий зверь отдавал свою плоть ради выживания человека в те дни, когда день зримо удлинялся и сулил скорую весну. Поэтому он как бы нёс на своих раскидистых рогах побеждавшее зиму Солнце. Таким образом, следуя логике древнего человека, лось становился символом, с которым связывались некие космогонические представления.

Зачастую петроглифические силуэты лосей покрыты сложным орнаментом, который ранее прозаически трактовался как анатомические зарисовки – своеобразное пособие по разделке туш. Но более пристальное его изучение показало, что вписанные в лосиные фигуры спирали и линии имеют лишь отдалённое сходство с расположением внутренних органов. Зато в гораздо большей степени они напоминают астрономические объекты – созвездия, кометы, другие небесные тела.

В настоящее время уже невозможно установить, какие обряды были связаны с этими представлениями, в чём состояло их практическое и эстетическое значение для древних аборигенов Приамурья. Но многочисленные высеченные в камне фигуры «небесных» лосей зримо свидетельствуют, что им совсем не было чуждо стремление к познанию Вселенной, её связи со всем сущим на Земле [3; 5, с. 116-118].

Некоторые лосиноподобные силуэты из-за отсутствия у них характерных расширений на рогах можно трактовать как изображения оленя-изюбря (*Cervus elaphus xanthopygus*). Но они встречаются гораздо реже. Видимо, олень не столь почитался местным населением по той причине, что его рога не имеют формы трона и потому «не подходили» для несения Солнца. Зато по популярности в зоолатрической тематике приамурских петроглифов с лосем может соперничать дикий кабан (*Sus scrofa*).

Бесстрашно вступая в бой с хищниками и охотниками, этот зверь в зоолатрической символике всегда и повсеместно олицетворял собой отвагу, мужество и неукротимость. Не было в этом отношении исключением и Приамурье. Кроме того, здешние аборигены отводили кабану важную сакральную роль – проводника мужчины в потусторонний мир. Такой вывод основан на том, что непременным атрибутом мужских захоронений у местных культур неолита, бронзового и раннего железного веков являлась туша этого животного [7, с. 27].

Скорее всего, её помещение в могилу символизировало волю усопшего к быстрому возрождению его духовных и физических сил в загробном мире. Такое представление могло возникнуть на основе двух качеств дикого кабана: той лёгкости, с которой он переносит ранения, и его плодовитости. Оба они символизировали неистребимую тягу к жизни. Поэтому таковая «должна была» передаваться мужчине от захороненного вместе с ним зверя в «стране предков», где ему вновь, как мыслилось соплеменникам, предстояло заниматься войной и охотой.

Большим разнообразием в петроглифах Приамурья отличается птичья тематика. Во-первых, здесь традиционно представлена широко распространённая во всём мире орлиная символика. Но смысл её столь очевиден, что она не требует здесь специального рассмотрения. Более интересным представляется заострение внимания на причинах высекания в камне силуэтов куриных и водоплавающих птиц.

Символический смысл изображения глухарей (*Tetrao parvirostris*), тетеревов (*Tetrao tetrix*) и фазанов (*Phasianus colchicus*), очевидно, связан с приходом весны, начало которой ассоциировалось с брачным поведением самцов представителей этих видов. Их красочные брачные турниры, происходившие на ещё не сошедшем снегу, вполне могли восприниматься как непосредственно исходящий от живой природы ритуал изгнания зимы и призыва весеннего тепла.

Изображение гагар (*Gavia sp.*), лебедей (*Cygnus sp.*), гусей (*Anser sp.*), уток (*Anas sp.*), вне сомнений, имеет прямое отношение к речным культовым обрядам. Водоплавающие птицы рассматривались древними людьми как часть живой речной души. Их образы наверняка были связаны с представлениями о «детях Маа-Мур» – существах, жизнь которых немыслима вне Матери-реки. Они отражали не только её состояние (речные птицы избегали загрязнённых вод, прятались перед их волнением в непогоду), но и разные её качества.

Такое восприятие вполне могло быть дифференцировано в соответствии с теми экологическими нишами, которые занимают в речных экосистемах различные виды водоплавающих птиц. Гагары могли олицетворять мир спокойных заводей, утки – прогретых солнечными лучами и насыщенных жизнью мелководий, а крупные, сильные гуси и лебеди – мощную и глубокую стремнину. Столь скрупулёзная детализация объяснима той ролью, которую играл Амур и его притоки в жизни древних аборигенов рассматриваемой территории, и той богатой, многогранной эмоциональной «окраской», которую оказывает на духовный мир человека река [6, с. 28].

Ещё одним из наиболее распространённых зоолатрических сюжетов на петроглифах Приамурья является изображение змеи.

Змеиная символика широко распространена во всём мире и наполнена противоречивыми характеристиками. В зависимости от конкретного толкования образа змея обозначает как тайную угрозу и неотвратимую смерть, так и жизненную силу, сверхъестественные способности, мудрость.

С большой долей вероятности можно утверждать, что в древнем Приамурье преобладало позитивное восприятие змеи. Её изображения здесь, как правило, не несли угрожающих черт и выполнялись в спиралевидной форме, что символически сближало их со стилизованным диском Солнца. Прямая ассоциация в данном случае возникла при выходе змей весной из-под земли и их долгом прогревании на камнях под солнечными лучами.

Следует отметить, что в Приамурье обитает тот представитель герпетофауны, образ которого не мог остаться без внимания аборигенов. Речь идёт об амурском полозе (*Elaphe schrenckii*).

Длина его тела может достигать 2 м – вполне достаточно для того, чтобы произвести впечатление на человека. Не исключено, что в прошлом встречались экземпляры крупнее современных, которые и стали прообразом гигантских змеев в фольклоре коренных жителей Приамурья.

Кроме того, амурский полоз – «благородная», т.е. неядовитая змея, не несущая потенциальной угрозы для жизни людей. Да и в целом, несмотря на свои внушительные размеры, он не проявляет агрессии в отношении человека, не спешит скрыться, но и не торопится продемонстрировать активную защитную реакцию, а свои мощные челюсти пускает в ход лишь в крайнем случае.

Чёрная, с яркими жёлтыми кольцами, чешуя полоза ярко и эффектно сверкает при ярком дневном освещении, что для аборигенов было подтверждением его «особых отношений» с Солнцем («солнечный» или «огненный» змей из их сказаний). Подставляя себя его теплу, полоз часто поднимает верхнюю часть тела, что было для древних людей ещё одним «доказательством» его «служения» небесному светилу.

Вдобавок для почитания этой змеи имела и более прозаическая причина. Полоз издавна селился возле людей, уничтожая вредящих урожаю, портящих съестные припасы и разносящих болезни грызунов (Rodentia). А поскольку значительная часть населения Приамурья вела в древности (примерно до V-IV веков до н.э.) оседлый образ жизни и занималась земледелием [17, с. 112], эта важная особенность поведения полоза лишь усиливала положительную сторону его образа.

Таким образом, зоолатрические петроглифы Приамурья группируются вокруг следующих основных тем, которые отразились в образах определённых животных:

- выдающиеся физические и моральные качества (тигр, медведь, кабан);
- элементы антропоморфности во внешнем облике (медведь);
- связи с потусторонним миром (кабан);
- астральный и солнечный культы (лось, змея);
- культы встречи весны (куриные птицы) и почитания реки (водоплавающие птицы);
- олицетворения в живом существе сверхъестественных сил и способностей (тигр).

Означенный круг животных выступал в качестве символических, визуально воспринимаемых посредников между человеком и окружающим миром, представлял в их образах связь с какой-либо из его сторон. Такая избирательность свидетельствует не только о той наблюдательности древних жителей Приамурья, которая вырабатывалась благодаря присущему им образу жизни. В первую очередь, она указывает на имевшуюся у них высокую степень образного восприятия окружающей действительности, в которой предельная конкретика сочеталась с попытками её осмысления через различные качества своих ближайших соседей – обитателей таёжных лесов и рек.

Об этом со всей убедительностью свидетельствуют высеченные в камне на берегах Амура петроглифы, в которых застыли силуэты животных – оставленные тысячи лет назад символы единения человека с природой.

Список литературы

1. **Андреева Ж. В.** Проблемы периодизации // Очерки первобытной археологии Дальнего Востока / отв. ред. Ж. В. Андреева. М.: Наука, 1994. С. 86-107.
2. **Арсеньев В. К.** Избранное. Хабаровск: ХКИ, 1998. Т. II. 622 с.
3. **Глебова Е.** Не тревожьте мудрых богов [Электронный ресурс] // Словесница искусств: региональный культурно-просветительский журнал. 2003. № 2 (12). URL: <http://www.slovoart.ru/node/1569> (дата обращения: 23.06.2014).
4. **Голубь А. Б.** Геральдика и символика субъектов Дальнего Востока как фактор формирования географического образа региона // Тихоокеанский регион России в Северной Пацифике: взгляд из Азии, взгляд из Европы: материалы международной конференции / отв. ред. П. Я. Бакланов. Владивосток: Изд-во Тихоокеанского института географии ДВО РАН, 2011. С. 34-36.
5. **Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А.** Мифы в камне: мир наскального искусства России. М.: Алетей, 2005. 472 с.
6. **Зуев В. Ф.** Горюн – священная река. Хабаровск: Частная коллекция, 2001. 246 с.
7. **Кишло Х.** Словарь символов. М.: Полиграф, 2010. 525 с.
8. **Ларичев В. Е.** Народы Дальнего Востока в древности и Средние века и их роль в культурной и политической истории Восточной Азии // Дальний Восток и соседние территории в Средние века / отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1980. С. 8-39.
9. **Окладников А. П.** Далёкое прошлое Приморья. Владивосток: Приморское книжное издательство, 1959. 292 с.
10. **Окладников А. П.** Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука, 1971. 335 с.
11. **Рошаль В. М.** Энциклопедия символов. М.: АСТ, 2007. 515 с.
12. **Слейтер С.** Геральдика. М.: Эксмо, 2007. 264 с.
13. **Слудский А. А.** Леопард // Крупные хищники / под ред. А. А. Калецкого. М.: Лесная промышленность, 1976. С. 58-82.
14. **Слудский А. А.** Суеврия, связанные с тигром // Владыка джунглей / под ред. А. А. Слудского. Алма-Ата: Наука, 1966. С. 363-367.
15. **Таюрский В. Г.** «Одеревеневшая» «окладниковщина» [Электронный ресурс]. URL: <http://debri-dv.ru/article/220> (дата обращения: 23.06.2014).
16. **Федосеев Г. А.** Злой дух Ямбуя. Хабаровск: Приамурские ведомости, 2001. 496 с.
17. **Шавкунов Э. В.** Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л.: Наука, 1968. 168 с.
18. **Шведов В. Г.** Историческая политическая география: обзор становления, теоретические основы, практика. Владивосток: Дальнаука, 2006. 259 с.
19. **Штернберг Л. Я.** Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933. 740 с.

ZOOLATROUS ROCK ENGRAVINGS OF THE AMUR RIVER REGION – EXPERIENCE OF SYMBOLIC MEANINGS RECONSTRUCTION

Shvedov Vyacheslav Gennad'evich, Doctor in Geography, Associate Professor

Golub' Andrei Borisovich, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor

Shvedova Vlada Vyacheslavovna

Amur Region State University named after Sholem Aleichem

i-svg@yandex.ru; Andreygolub1981@mail.ru; Doch_odina@mail.ru

The article is devoted to the analytical reconstruction of the zoolatrous symbolism of rock engravings in the Amur River region. The group of early pre-Mohe culture paintings is considered. A number of religious animal species are distinguished on this basis. For each species natural and ethological characteristics, which might have a symbolic meaning for aborigines, are identified.

Key words and phrases: the Amur River region; rock engravings; aborigines; zoolatrous symbolism; animals species; analysis; reconstruction.

УДК 316.334.22

Социологические науки

Статья посвящена рассмотрению современных социально-трудовых конфликтов на предприятии. Указаны некоторые причины конфликтов и их виды, способы разрешения со стороны государства, а также деятельности профессиональных союзов по работе с участниками конфликта и профилактике социально-трудовых споров. Приведен анализ публикаций по тематике социально-трудовых конфликтов.

Ключевые слова и фразы: социально-трудовой конфликт; работник; работодатель; профсоюз; законодательная база; разрешение; профилактика.

Шиленко Александр Александрович

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А.

shilenkos@rambler.ru

РОЛЬ ПРОФСОЮЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПРОФИЛАКТИКЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ[©]

Экономическая система государства основана на двух элементах: экономическом обращении ресурсов и социальном взаимодействии участников процесса. В любой сложной системе, как например, системе социально-экономических отношений, проявляются положительные и отрицательные аспекты. Одним из таких аспектов, подтверждающим несовершенство многих современных систем экономики, даже в хорошо развитых государствах, является проблема возникновения социально-трудовых конфликтов [12].

Прежде чем перейти к подробному рассмотрению явления социально-трудовых конфликтов, следует отметить некоторые моменты, обуславливающие исследование. Как сказано выше, любой системе свойственно возникновение кризисных ситуаций, что является весьма полезным для обнаружения недостатков и выработки мер по исправлению и принятию решений для снижения последствий или полному предотвращению возможных повторений кризиса. Следующим по значимости фактом является то, что даже если конфликт системы образовался на микроуровне, как например конфликт двух индивидов, он, несомненно, может впоследствии отразиться на мезоуровнях и макроуровнях системы. Сегодня в экономике существует классификация социально-трудовых конфликтов по нескольким критериям, рассмотрим самые важные для нашего исследования.

Среди основных причин социально-трудовых конфликтов выделяют следующие нарушения трудовых договоров:

- 1) нарушение условий исполнения обязанностей или условий труда;
- 2) недораспределение ресурсов, прибыли и тому подобное;
- 3) неисполнение подписанных договоренностей и распределение нематериальных благ.

Субъектная классификация участников конфликта показывает, что социально-трудовые споры возникают чаще всего между следующими категориями:

- работниками(ом) и администрацией(администратором) предприятия, организации;
- коллективом работников и профсоюзным комитетом;
- администрацией и профкомом;
- трудовым коллективом и руководством отрасли;
- трудовыми коллективами и органами государственного управления или местного самоуправления.